

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРОСОЮЗА В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Аннотация. Статья описывает тенденции развития общественного мнения по поводу Европейского союза и его институтов в течение двух десятилетий. Резкие различия существуют между отдельными странами Западной и Восточной Европы, Скандинавии и Средиземноморья, Франции, Германии и Великобритании, что доказывает невозможность быстрой интеграции.

Ключевые слова: Европейский союз; динамика евроинтеграции; общественное мнение об органах Евросоюза; Европейская идея в Великобритании, Франции, Германии, скандинавских и средиземноморских странах; западноевропейские и восточноевропейские страны.

A. Yu. Salomatina

STATE-LEGAL AND POLITICAL PROBLEMS OF EUROPEAN UNION FROM PUBLIC OPINION PERSPECTIVE

Abstract. The article depicts the tendencies in the development of public opinion about European Union and its institutions during the last two decades. There exist sharp differences between some Western and Eastern European countries, Scandinavian and Mediterranean countries, France, Germany and Great Britain that prove the impossibility of rapid integration.

Key words: European Union; Dynamics of Eurointegration; Public Opinion about EU authorities; European Idea in Great Britain, France, Germany, Scandinavian and Mediterranean countries; Western and Eastern European countries.

Когда возник Евросоюз, многие европейцы верили в долговечность интеграции и ее развитие по восходящей линии. После подписания Лиссабонского договора в декабре 2007 г. обращалось внимание на то, что Евросоюз «воспринимается в качестве признанной, хотя и непривычной “коллективной наднациональной сверхдержавы”», что он является государствомподобным международным объединением «с элементами наднациональности и с почти универсальной компетенцией» [1, с. 83]. Однако начавшийся осенью 2008 г. мировой финансово-экономический кризис стал постепенно подтачивать основы объединенной Европы. Это произошло не сразу (первоначально очаг кризиса находился в США), но постепенно, по крайней мере с осени 2011 г., европейское пространство стало восприниматься как наиболее проблемное для мировой экономики. В этой обстановке актуальным становится не только отношение элит к евроинтеграции, но и европейской общественности, которая в условиях кризиса способна к неожиданным поворотам сознания и радикальным акциям.

«Маастрихтский договор от 7 февраля 1992 г., вступивший в силу 1 ноября 1993 г., имел судьбоносный для евроинтеграции характер. Он не дополнял заключенный в 1957 г. Договор о ЕЭС, а являлся еще одним основополагающим документом. Все последующие договоры (Амстердамский, Ниццкий

и Лиссабонский) только вносили поправки в оба эти акта, но не создавали новых... Договор распространил полномочия органов ЕС на новые сферы, которые традиционно являются предметом национального суверенитета. Поэтому многие восприняли его как шаг к созданию Европейской федерации (Соединенных штатов Европы)» [2, с. 98, 99].

После заключения Маастрихтского договора в 1992 г. началось ускоренное движение к евроинтеграции. Новая стратегия предусматривала создание экономического и валютного союза, введение единой денежной единицы, провозглашение общей внешней политики и политики безопасности, а в перспективе – и общей оборонной политики, учреждение системы межгосударственного сотрудничества в области внутренних дел и юстиции, создание «Европы граждан», предусматривающих принятие общего свода прав и свобод личности, осуществление фундаментальной реформы институтов ЕС [3]. Политику консолидации Западной Европы, в частности, в середине 1990-х гг. поддерживало более двух третей европейцев (71 %), резко выступали против него – 6 % (умеренных противников было 13 %). Выше среднего противников евроинтеграции было в недавно присоединившейся к Евросоюзу Дании (35 %) и традиционно сдержанно относившейся к странам Европейского континента Великобритании (29 %) (табл. 1).

Таблица 1

Итоги опроса европейского общественного мнения в мае 1995 г.
по поводу усилий по объединению Западной Европы [4]

Евросоюз и отдельные страны	Отношение к объединению Западной Европы				
	Безусловно за	В некоторой степени за	В некоторой степени против	Безусловно против	Не знают
Евросоюз в целом	25 %	46 %	13 %	6 %	9 %
Австрия	25 %	34 %	18 %	7 %	16 %
Бельгия	21 %	58 %	10 %	3 %	8 %
Дания	24 %	38 %	21 %	14 %	3 %
Франция	20 %	50 %	15 %	5 %	10 %
Германия	29 %	43 %	14 %	7 %	7 %
Италия	37 %	46 %	6 %	1 %	9 %
Нидерланды	21 %	52 %	15 %	5 %	7 %
Великобритания	14 %	46 %	18 %	11 %	10 %

Иным было отношение к расширению Евросоюза на восток. Этот курс одобрил саммит ЕЭС в Копенгагене в июне 1993 г. Он уже утвердил критерии для отбора кандидатов. В 1994–1996 гг. претенденты на членство направили свои официальные заявки. Европейцы настороженно отнеслись к принятию в свою организацию стран Восточной Европы.

Согласно опросу общественного мнения в июне 1997 г. **этого шага опасались 44 % опрошенных, не опасались – 37 %**. Особое неприятие это намерение вызывало в некоторых небольших странах (в Нидерландах – 57 %, в Австрии – 54 %). В ведущих европейских странах (Германии и Франции), опасавшихся также было больше половины (55 и 51 %). В Италии общественное мнение просто оставалось к нему равнодушным (доля неопределившихся с ответом составляла 30 при 32 % противников и 38 % сторонников).

И только в проамерикански настроенной Великобритании, озабоченной экспансией западных ценностей в Восточную Европу, число сторонников (40 %) и противников (41 %) было примерно одинаковым (табл. 2).

Таблица 2
Итоги опроса европейского общественного мнения в июне 1997 г. о том, будет ли стоить слишком дорого продвижение Евросоюза на восток [5]

Евросоюз и отдельные страны	Боятся этого	Не боятся этого	Не знают
Евросоюз в целом	44 %	37 %	19 %
Австрия	54 %	34 %	12 %
Великобритания	41 %	40 %	19 %
Нидерланды	57 %	37 %	6 %
Швеция	43 %	41 %	15 %
Италия	32 %	38 %	30 %
Германия	55 %	34 %	10 %
Франция	51 %	34 %	15 %
Дания	45 %	47 %	8 %

На рубеже тысячелетий вопросы внутренней безопасности вышли на центральное место в политике Европейского союза. Темы свободы передвижения людей, полицейского и правового сотрудничества, общей иммиграционной политики и предоставления убежища стали широко обсуждаемыми на официальных встречах и в академической среде. Одновременно к странам-кандидатам на вступление в Евросоюз были предъявлены повышенные требования о приведении в соответствие с европейскими стандартами состояния правопорядка и правосудия [6]. В это переломное время, когда Евросоюз вплотную подошел к реализации расширения своих рядов, **примерно половина европейцев поддерживала членство своих стран.** Чуть более четырех из десяти европейцев разделяли позитивный имидж Евросоюза (43 %), и только 18 % придерживались негативного имиджа. Почти шесть из десяти жителей Европы поддерживали единую валюту, но все же треть выступали против нее. **70 % одобряли идею европейской конституции, и лишь 6 % были ее противниками.** В то же время **весьма противоречивым было отношение к расширению Евросоюза** (только 27 % считают это приоритетной целью) [7, р. 1]. Более позитивно жители Евросоюза относились к вступлению богатых стран – Норвегии, Швейцарии (70–69 %), по крайней мере терпимой (т.е. число сторонников чуть-чуть превосходило число противников) была реакция на присоединение наиболее развитых стран Восточной Европы – Венгрии, Польши, Чехии (46–41 % позитивных ответов). Вхождение «бедных восточно-европейских и прибалтийских родственников» трактовалось в большей степени негативно, а Турции – резко негативно (30 % – за, 47 % – против).

Грядущее членство всех 13 претендентов оценивалось позитивно в среднем по Евросоюзу, но не слишком высоко – в 38 %, а в отдельных его странах наблюдался очень сильный разброс: в Швеции и Дании – 61 и 58 %, в Греции – 55 %, в Нидерландах и Испании – 49 %, в Финляндии – 48 %, в Италии – 43 %, в Ирландии и Португалии – 41 %, в Бельгии – 38 %, в Великобритании – в 35 %, в Люксембурге и Германии – 34 %, в Австрии – 30 %, во Франции – только 26 % [7, р. 54, 55].

Вступление с 1 мая 2004 г. десяти новых членов (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Словения, Эстония, Латвия, Литва, Кипр и Мальта) имело далеко не однозначный эффект. Экспертами отмечалось, что модернизация экономики стран Восточной Европы может создать и поддерживать определенную занятость в секторе высоких технологий в странах – членах Евросоюза. И в то же время было очевидно, что Евросоюз после вступления еще долго будет иметь дело с государствами клиентского типа, активно претендующими на регулярное перераспределение в их пользу ресурсов ЕС [8]. Кроме того, расширение Евросоюза резко актуализировало вопрос о дальнейшей реформе его институтов.

Созванный в 2002 г. Конвент (председатель – бывший президент Франции Валери Жискар д'Эстен), в котором приняло участие более 200 политических и общественных деятелей, представляющих все государства-члены, Европарламент, Комиссию и страны-кандидаты, поставил перед собой задачу разработать **общеευропейскую Конституцию**. Она была призвана заменить собой все предшествующие договоры ЕС. Текст Конституции был подписан в 2004 г., но затем она потерпела фиаско. **Она была отвергнута жителями Франции 29 мая 2005 г. 55 % голосов после того, как девять других членов Евросоюза уже одобрили ее.** 1 июня 2005 г. с еще более разгромным счетом (62 % против) Конституция была провалена на референдуме в Нидерландах. «Горячие головы» среди руководства Евросоюза предложили продолжить процесс ратификации, но существовала опасность, что случившееся может повториться в Дании, Польше и Чехии. В конце концов еще до майского провала европейские лидеры могли предположить, что кто-то из стран отвергнет конституционный документ, но никак не могли представить, что это будет Франция – одна из опор Евросоюза. После французского референдума возникла опасность, что это государство начнет более жестко отстаивать свои национальные интересы, а другие страны последуют ее примеру [9, р. 27, 28]. Было ли это случайностью или закономерностью?

Исследование общественного мнения в странах Евросоюза осенью 2005 г. выявило **достаточно уверенный уровень поддержки Конституции (63 %)**. Однако в некоторых странах (Чехии, Швеции, Великобритании, Финляндии) он был все же ниже 50 %. Только 22 % европейцев предполагали, что необходимо продолжить процесс ратификации. **Практически половина (49 %) считала, что необходимо заново начинать переговорный процесс** [10, р. 23–26]. По сути дела, «ничего трагического не произошло – лопнул гигантский пропагандистский пузырь, созданный руководством ЕС, уверовавшим в свою непогрешимость и значимость. Проект Конституции утратил свой сакральный характер и превратился в то, чем он и должен быть, – документ ЕС, являющийся предметом торга между государствами-членами и интеграционными институтами и между бюрократией и народом» [11, с. 22].

Характерно, что именно после неудачи с принятием Конституции ее сторонники попробовали реанимировать ее, показав главное достоинство евроинтеграции – **географическую мобильность**. В сентябре 2005 г. был проведен опрос 24 тыс. европейцев, а 2006 г. был объявлен Годом трудовой мобильности. Выяснилось, что треть европейцев по крайней мере единожды предпринимали попытку покинуть свой родной регион. Из тех, кто его покинул, 24 % поселились в другом регионе, 4 % – в другом государстве – члене

Евросоюза, 3 % – в стране за его пределами. Отвечая на другой вопрос, 12 % заявили, что участвовали в обучающей или образовательной программе в другом государстве-члене. В то же время **большинство европейцев (70 %) подчеркнули, что у них нет намерения в ближайшее время покинуть свое постоянное место жительства**. При этом выявилась широкая вариативность между жителями разных стран в оценке мобильности: для Ирландии, Дании, Швеции, Словакии в более 60 % случаев она представлялась положительным шансом для индивида, а в Греции и на Кипре ее позитивно оценивали менее 30 % [12].

В каких условиях происходило реформирование Евросоюза? Властям европейских стран примерно за 2,5 года удалось оправиться от шока, связанного с негативными итогами референдумов во Франции и Нидерландах. Летом 2007 г. саммит ЕС в Брюсселе принял правильное тактическое решение подготовить более скромный по своим задачам документ, формально не заменяя учредительные договоры 1957 и 1992 г., а лишь корректируя их. «Практически все положения Конституции без каких-либо серьезных изменений перешли в текст нового Договора. Усиление роли институтов ЕС, распространение голосования квалифицированным большинством по проблемам легальной иммиграции, полицейского и уголовно-правового сотрудничества ведут к укреплению наднационального начала в Евросоюзе» [13, с. 60].

И все же первая и вторая волна мирового экономического кризиса больно ударяет по европейской идее.

По данным опросов общественного мнения, весной 2012 г. экономическая ситуация остается главной сферой озабоченности европейцев (54 %), а состояние государственных финансов – второй по значимости темой (34 %). Безработица занимает третье место среди всех тревог в умах европейцев (32 %, что на 6 % выше, чем в опросах осени 2011 г.). Любопытно, что **проблема иммиграции** – наиболее важная среди неэкономических проблем (9 %), оставила за собой вопросы преступности (6 %), налогообложения (5 %), терроризма (5 %), поставок энергоресурсов (4 %), пенсионного обслуживания (3 %), изменения климата (3 %), охраны окружающей среды (3 %) [14].

Жители Европы пока еще испытывают тяготение друг к другу, но мотивы приверженности европейцев к евроинтеграции носят преимущественно приземленно-бытовой характер: на первый план (41 % ответов) выходит свобода путешествовать, учиться и работать везде в пределах Евросоюза (табл. 3).

Второе по значимости достоинство евроинтеграции – наличие единой валюты (37 %), а вот третье по степени популярности последствие существования Евросоюза – напрасная трата денег (27 %) – имеет сугубо отрицательное звучание. При этом **степень восприятия того или иного евроинтеграционного свойства может коренным образом отличаться от страны к стране**: например, для упомянутой нам изначально пятой позиции в табл. 3 она колеблется в пределах 26 % (для Италии) до 60 % (для Швеции). То же самое можно наблюдать и среди свойств отрицательного характера: по позиции 11 разброс мнений составляет от 8 % (для Болгарии) до 45 % (для Германии). Вообще **в странах Восточной Европы**, максимально заинтересованных в расширении Евросоюза на восток, **практически отсутствует отрицательное отношение к евроинтеграции** (только в Польше 21 % опрошенных

сетуют на наличие евробюрократии). В то же время в платящих по счетам странах Западной Европы нет подобного благостного настроения: **для примерно двух пятых немцев и шведов главным негативом являются финансовая затратность и бюрократизм, для четверти датчан, французов – недостаточный контроль на внешних границах** (для четверти немцев и бельгийцев дополнительным отрицательным фактором выступает более высокий уровень преступности). Правда, менее осязаемый, менее материалистический параметр – потеря культурной идентичности – пока еще мало волнует европейцев (не более десятой их части, но для англичан – почти пятая часть).

Сокращается также и уровень доверия к Евросоюзу и его институтам. «Доверие к Евросоюзу упало с осени 2011 г. и сейчас находится на самом низком уровне – 31 %, уменьшившись на 3 %. В то же время уровень доверия к национальным правительствам и национальным парламентам слегка исправился (28 % + 4 и 28 % + 1 соответственно), – говорится в докладе Еврокомиссии. – Как результат, разрыв между доверием к национальным политическим институтам и к Евросоюзу является сейчас очень узким» [15, р. 13]. Это беспрецедентная ситуация, поскольку традиционно более отдаленные, коллективные евроорганы психологически воспринимались как более эффективные. Причем среди них, как это ни странно, по последним исследованиям, максимальный уровень доверия имеет Европейский суд (46 %), а не формируемый демократический орган – Европарламент (40 %).

Авторитет Европарламента, избираемого каждой страной-членом самостоятельно исходя лишь из нескольких общих принципов и в течение не более чем четырех дней, достаточно невысок. Косвенно на это указывает низкий уровень участия избирателей в выборах, который в ряде случаев приходится стимулировать (в частности, путем совмещения евровыборов с выборами в национальные, региональные или муниципальные органы власти) [16, с. 140, 141].

Уровень доверия к исполнительным структурам – Еврокомиссии, Еуробанку, Совету Евросоюза – ниже (36, 35, 32 %). По ведущим странам предпочтения распределяются весьма неравномерно (табл. 4).

Небольшие благополучные страны, такие как **Бельгия, Дания**, достаточно благостно настроены к европейским учреждениям (уровень поддержки более 50 %). Более или менее он высок для стран Восточной Европы (Болгария, Польша), все еще надеющихся на помощь старых и более обеспеченных стран-членов (уровень поддержки, как правило, чуть менее 50 %). Страны, образующие фундамент евроинтеграции (Германия, Франция), настроены более скептически, в них число доверяющих и недоверяющих примерно равно или немного перевешивает в ту или иную сторону. Репутация евроорганов у жителей южnosредиземноморских государств – **Испании и Италии**, остро переживающих финансово-экономический кризис, является просто провальной (чуть более 25 % поддержки при уровне недоверия более половины, а вернее, почти в две трети). Позиция **Великобритании**, традиционно имеющей особое мнение по интеграции, отличается еще большей категоричностью (доля доверяющих здесь 20 % и менее, и только 30 % доверяют Европейскому суду, что крайне мало для легистски ориентированных англичан).

Таблица 3

Общественное мнение стран Евросоюза по поводу личной заинтересованности
в сохранении данной организации

Евросоюз в целом и отдельные страны	Процент ответивших на вопрос «Что лично для Вас означает Евросоюз?»*													
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Евросоюз в целом	24	12	20	8	41	18	18	37	16	23	27	11	13	16
Бельгия	27	17	20	11	37	18	21	54	19	16	30	9	26	24
Болгария	28	20	28	15	55	20	12	18	6	8	8	6	5	4
Дания	44	15	34	11	58	25	26	19	9	36	19	12	19	24
Германия	42	13	29	8	50	26	19	52	17	43	45	12	27	24
Испания	11	11	16	7	33	13	12	44	15	18	19	5	3	8
Франция	34	8	18	7	38	26	24	41	16	14	30	12	6	24
Италия	14	10	20	9	26	11	17	40	18	9	20	11	10	10
Нидерланды	28	23	15	7	54	17	29	54	7	32	22	11	12	14
Польша	15	10	20	7	45	12	19	20	12	21	14	7	5	3
Швеция	37	9	25	7	60	26	32	21	10	44	38	10	15	15
Великобритания	14	8	12	6	27	15	11	17	13	27	30	17	8	21

*Условное обозначение ответов: 1 – сохранение мира; 2 – экономическое процветание; 3 – демократия; 4 – социальная защищенность; 5 – свобода путешествовать, учиться и работать в любом месте в рамках Евросоюза; 6 – культурное разнообразие; 7 – более сильное влияние на процессы в мире; 8 – евро; 9 – безработица; 10 – бюрократия; 11 – напрасная трата денег; 12 – потеря культурной идентичности; 13 – более высокий уровень преступности; 14 – недостаточный контроль на внешних границах.

Таблица 4

Отношение населения ряда европейских стран
к институтам Евросоюза

Институты	Страны*										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Европарламент:											
– доверяют	57	54	62	44	25	45	35	51	49	58	21
– не доверяют	39	26	29	43	62	39	49	40	32	33	65
– не знают	4	20	9	13	13	16	16	9	19	9	14
Еврокомиссия:											
– доверяют	57	51	58	35	23	43	32	52	46	52	19
– не доверяют	38	25	29	44	61	38	48	33	31	31	62
– не знают	5	24	13	21	16	19	20	15	23	17	19
Совет Евросоюза:											
– доверяют	50	44	46	32	21	36	27	44	43	35	16
– не доверяют	38	24	24	40	61	35	49	33	30	27	58
– не знают	12	32	30	28	18	29	24	33	27	38	26
Европейский Центробанк:											
– доверяют	50	48	66	42	19	35	23	62	40	56	20
– не доверяют	43	26	22	48	69	47	58	27	34	34	61
– не знают	7	26	12	10	12	18	19	11	26	10	19
Европейский Суд:											
– доверяют	59	50	78	65	26	48	27	66	54	74	30
– не доверяют	30	19	14	23	57	31	47	13	23	14	52
– не знают	11	31	8	12	17	21	26	21	23	12	18

* Страны: 1 – Бельгия; 2 – Болгария; 3 – Дания; 4 – Германия; 5 – Испания; 6 – Франция; 7 – Италия; 8 – Нидерланды; 9 – Польша; 10 – Швеция; 11 – Великобритания.

Кризис вызвал серьезное напряжение в Евросоюзе. Об опасностях единой валюты и недостаточности реальной интеграции отдельных экономик знали инициаторы Маастрихтского договора, но не придали ей должного значения. В настоящее время экономическая напряженность проецируется и в сферу политики. «Надежда на формирование общей европейской идентичности уступила место большему национальному самоутверждению, даже шовинизму. Антииммигрантские и антиевросоюзные партии набирают силу. Греция наблюдает неожиданное восхождение крайне левых и крайне правых партий. Некоторые греки характеризуют лидеров Германии как нацистов. Многие немцы рассматривают греков как ленивых мошенников» [17, р. 32]. Антииммигрантские настроения сильны и в других странах – Нидерландах, Венгрии, Финляндии. Приверженность к скандинавской культуре и неприязнь к исламу демонстрируют партии и парламентарии в Норвегии и Дании [18, р. 19–20]. Во Франции Народный Фронт Жана-Мари Ле Пена, который злоупотреблял антисемитскими высказываниями и ностальгией по французскому (колониальному) Алжиру, под управлением его дочери переходит на более умеренные позиции и пользуется на выборах поддержкой женщин из рабочей среды. При этом партия остается этноавторитарной и антииммигрантски настроенной [19, р. 20–21].

И все же процессы глобализации, несомненно, сдерживают ослабление евроинтеграции, оправдывая ее необходимость в глазах населения (табл. 5).

Отношение жителей Европы к последствиям глобализации

Вопросы-утверждения	Ответы		
	Согласен	Не согласен	Не знаю
Глобализация заставляет прибегать к общим правилам на общепланетарном уровне («мировое правительство»)	64 %	18 %	18 %
Глобализация выгодна только крупным компаниям, а не рядовым гражданам	63 %	22 %	15 %
Глобализация побуждает людей быть более открытыми к иным культурам	62 %	23 %	15 %
Глобализация означает больше иностранных инвестиций в конкретную страну	57 %	26 %	17 %
Глобализация представляет возможность для экономического роста	56 %	27 %	17 %
Глобализация способствует миру во всем мире	44 %	39 %	17 %
Глобализация представляет угрозу для национальной культуры	39 %	45 %	16 %
Глобализация защищает нас от скачка цен	22 %	61 %	17 %

Правда, при этом население прекрасно видит те же издержки глобализации, ее первостепенную выгоду для большого бизнеса. Это означает, что дальнейшее сближение стран не будет проходить по нарастающей и безболезненно. До сих пор нет ясности и в конституционно-правовом статусе Евросоюза.

«У Евросоюза не только отсутствует целый ряд весьма важных признаков федеративного образования, в частности, в виде федеральной конституции, а не учредительных договоров, в виде полноценного самостоятельного суверенитета, в виде статуса субъекта международного права и юридического лица и др., но и нет в обозримом будущем, как свидетельствуют источники, никакой перспективы стать таковым. Причин для подобного, отнюдь не оптимистичного для сторонников европейской федерации вывода существует много, на наиболее важные из них заключаются в отсутствии желания и воли значительной части населения Европы жить в едином не только экономическом, но и политическом союзе, именуемом федерацией [20, с. 239].

Исследователи из Центра исследований европейской политики (Брюссель) и Иберийско-Американского института при Геттингенском университете отмечают, что уменьшение доверия к национальным правительствам связано с ростом безработицы в первых 15 членах Евросоюза во все периоды, в то время как доверие к Еврокомиссии и Европарламенту, кажется, сильно ассоциируется с ситуацией в реальной экономике (безработицей и ростом душевого валового внутреннего продукта) только во времена экономического кризиса. В то же время во всех 27 членах Евросоюза сокращающийся уровень доверия к национальным европейским правительственным институтам в периоды кризиса, кажется, в первую очередь соотносится с ростом правительственного долга [21]. Иными словами, логично предположить, что доверие к национально-государственной власти испытывает более частые, более

постоянные колебания, а колебания доверия к общеевропейской власти – это продукт чрезвычайных обстоятельств. Но так ли это на самом деле, ответить сложно. Пока же мы видим, что эпоха еврооптимизма сменилась эпохой евротурбулентности.

Список литературы

1. **Кашкин, С. Ю.** Лиссабонский договор и основные тенденции и перспективы развития европейского права / С. Ю. Кашкин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2008. – Вып. 2.
2. Европейская интеграция / под ред. О. Буториной. – М., 2011.
3. **Борко, Ю.** Перспективы Евросоюза в новом веке / Ю. Борко, О. Буторина // Современная Европа. – 2001. – № 3.
4. Eurobarometer 44. First Results // Field Results. – 1995. – April–May. – URL: <http://ec.europa.eu>
5. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/cf/showtable_cfm? Key ID = 348 & ID = 11.2.16.6.3.8.14.10.15 & stardate = 1997.06 & enddate = 1997.06
6. **Потемкина, О.** Становление обновленной Европы (Европейское пространство свободы, безопасности и правопорядка – новый проект ЕС) / О. Потемкина // Современная Европа. – 2001. – № 3.
7. European Commission Eurobarometer. Public Opinion in the European Union. Report Number 53 // Fieldwork. – 2000. – April–May.
8. **Глинкина, С.** Накануне вступления в Евросоюз / С. Глинкина // Современная Европа. – 2001. – № 3.
9. Dead, but not yet buried // The Economist. – 2005. – June 4th–10th.
10. Eurobarometer 64 First Results // Field Results. – 2005. – October–November. – URL: <http://ec.europa.eu>
11. Кризис ЕС: последствия и перспективы // Современная Европа. – 2005. – № 4.
12. Eurobarometer Survey on geographic and labor market mobility // European Commission 2006 : информационный проспект.
13. **Потемкина, О.** ЕС: конституционный тупик или продолжение реформы? / О. Потемкина // Современная Европа. – 2007. – № 4.
14. Standart Eurobarometr G. Tables of Results. Public Opinion in the European Union // Fieldwork. – 2012. – May. – URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb77.htm
15. Standart Eurobarometr 77. Tables of Results. Public Opinion in the European Union // Fieldwork. – 2012. – May. – URL: <http://ec.europa.eu>
16. **Лафитский, В. И.** Выборы в Европейский Парламент / В. И. Лафитский // Журнал российского права. – 2005. – № 4.
17. Europe on the rack // The Economist. – 2012. – June 30th– July 6th.
18. Culture matters more // The Economist. – 2012. – August 11th.
19. Dediabolization // The Economist. – 2012. – August 11th.
20. **Марченко, М. Н.** Право Европейского Союза. Вопросы истории и теории : учеб. пособие / М. Н. Марченко, Е. М. Дерябина. – М., 2010.
21. **Roth, F.** Has the Financial Crisis Shattered Citizens Trust in National and European Governmental Institutions? Evidence from the EU member States, 1999–2010 / F. Roth, F. D. Nowak-Lehman, T. Otter // CEPS Working Document. – 2011. – № 343 (June). – URL: www.ceps.eu

References

1. **Kashkin, S. Yu.** Lissabonskiy dogovor i osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiya evropeyskogo prava / S. Yu. Kashkin // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2008. – Vyp. 2.
2. Evropeyskaya integratsiya / pod red. O. Butorinoy. – M., 2011.

3. **Borko, Yu.** Perspektivy Evrosoyuza v novom veke / Yu. Borko, O. Butorina // *Sovremennaya Evropa*. – 2001. – № 3.
4. Eurobarometer 44. First Results // Field Results. – 1995. – April–May. – URL: <http://ec.europa.eu>
5. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/cf/showtable_cfm? Key ID = 348 & ID = 11.2.16.6.3.8.14.10.15 & stardate = 1997.06 & enddate = 1997.06
6. **Potemkina, O.** Stanovlenie obnovlennoy Evropy (Evropeyskoe prostranstvo svobody, bezopasnosti i pravoporyadka – novyy proekt ES) / O. Potemkina // *Sovremennaya Evropa*. – 2001. – № 3.
7. European Commission Eurobarometer. Public Opinion in the European Union. Report Number 53 // Fieldwork. – 2000. – April–May.
8. **Glinkina, S.** Nakanune vstupleniya v Evrosoyuz / S. Glinkina // *Sovremennaya Evropa*. – 2001. – № 3.
9. Dead, but not yet buried // *The Economist*. – 2005. – June 4th–10th.
10. Eurobarometer 64 First Results // Field Results. – 2005. – October–November. – URL: <http://ec.europa.eu>
11. Krizis ES: posledstviya i perspektivy // *Sovremennaya Evropa*. – 2005. – № 4.
12. Eurobarometer Survey on geographic and labor market mobility // European Commission 2006 : informatsionnyy prospekt.
13. **Potemkina, O.** ES: konstitutsionnyy tupik ili prodolzhenie reformy? / O. Potemkina // *Sovremennaya Evropa*. – 2007. – № 4.
14. Standart Eurobarometr G. Tables of Results. Public Opinion in the European Union // Fieldwork. – 2012. – May. – URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb77.htm
15. Standart Eurobarometr 77. Tables of Results. Public Opinion in the European Union // Fieldwork. – 2012. – May. – URL: <http://ec.europa.eu>
16. **Lafitskiy, V. I.** Vybory v Evropeyskiy Parlament / V. I. Lafitskiy // *Zhurnal rossiyskogo prava*. – 2005. – № 4.
17. Europe on the rack // *The Economist*. – 2012. – June 30th– July 6th.
18. Culture matters more // *The Economist*. – 2012. – August 11th.
19. Dediabolization // *The Economist*. – 2012. – August 11th.
20. **Marchenko, M. N.** Pravo Evropeyskogo Soyuz. Voprosy istorii i teorii : ucheb. posobie / M. N. Marchenko, E. M. Deryabina. – M., 2010.
21. **Roth, F.** Has the Financial Crisis Shattered Citizens Trust in National and European Governmental Institutions? Evidence from the EU member States, 1999–2010 / F. Roth, F. D. Nowak-Lehman, T. Otter // CEPS Working Document. – 2011. – № 343 (June). – URL: www.ceps.eu

Саломатин Алексей Юрьевич

доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии, руководитель Центра сравнительно-правовой политики, Пензенский государственный университет, действительный член Академии политической науки
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: valeriya-zinovev@mail.ru

Salomatin Aleksey Yur'evich

Doctor of juridical sciences, doctor of historical sciences, professor, head of sub-department of state and law theory and political science, director of the Center of Comparative Legal Policy, Penza State University, full member of the Academy of Political Sciences (Penza, 40 Krasnaya str.)

УДК 341.217(4)(07)

Саломатин, А. Ю.

Государственно-правовые и политические проблемы Евросоюза в зеркале общественного мнения / А. Ю. Саломатин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 28–39.